

А.А. ЩЕЛЧКОВ

ПЕРВЫЙ СОЦИАЛИЗМ В БРАЗИЛИИ

В середине XIX в., после европейских революций 1848–1849 гг., Латинская Америка стала объектом пристального внимания европейских социалистов, предпринимавших многочисленные попытки реализовать свои идеи в Новом Свете. К тому же заморский континент стал и местом убежища для многих революционеров в период реакции. Новейшие европейские идеи стали перманентным фактором влияния на латиноамериканскую социальную и политическую мысль. “Новое слово”, родившееся в Европе, практически сразу становилось известно в Латинской Америке, приобретая там нередко иное, неожиданное звучание, преломляясь сквозь призму религиозных убеждений, местных представлений об общественном благе.

“Научное” проектирование, социальная инженерия, стремление создать идеальные сообщества как модель общественного устройства составляли отличительную черту раннего социализма. Именно с Америкой связывались мечтания об идеальном мире, который можно построить на этом пока еще мало испорченном обветшалыми пред-рассудками месте. Как не оснований писал современный уругвайский исследователь Ф. Аинса: «Новый Свет сразу становится проекцией, “противообразом” европейской действительности. Территории утопий, расположенные в различных точках воображаемого пространства, сходятся и объективируются в Новом Свете, отныне наделенном всеми добродетелями, которые люди от века стремились обрести в каком-то неведомом месте планеты, добродетелями, недостающими Старому Свету, погрязшему в железном веке»¹. Многие первые социалисты верили, что именно в Новом Свете будет осуществлен их идеал нового общества.

Европейские социалисты легче всего добивались до бразильских берегов, где надеялись реализовать свои фантастические проекты и даже рассчитывали найти покровительство просвещенного императорского двора. Именно Бразилия была островком стабильности и предсказуемости и привлекала экзотическим величием природы, изобилием свободной земли.

Бразилия отличалась от своих испаноамериканских собратьев не только языковым, культурным, но и политическим своеобразием: в этой огромной стране не было “революции освобождения”, независимость была достигнута мирно и с согласия всех слоев общества, при сохранении монархии. Европейские передовые идеи, романтизм и социализм, находили в Бразилии благодатную почву среди части образованных людей.

ФАЛАНСТЕРЫ ФРАНЦУЗСКИХ ФУРЬЕРИСТОВ

Наибольшей активностью в Бразилии отличались фурьеристы. Самым крупным их предприятием была колония на юге страны, в Санта-Катарине². Решающую роль

Щелчков Андрей Аркадьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

¹ Аинса Ф. Реконструкция утопии. М., 1999, с. 146.

² Этот эксперимент вызывает живой интерес по сей день. Каталонский фотограф и художник А. Хулиа в 2009–2010 гг. провел в Бразилии, Мексике, Испании и других странах ряд выставок, посвященных бразильским фаланстерам. – *El País*, Madrid, 26.IX.2010.

в этом эксперименте сыграл Жюль-Бенуа Мюр (1809–1858) – лидер группы фурьеристов из Лиона, задумавших осуществить “социетарный” проект в Новом Свете. Во Франции Мюр, выходец из семьи богатых торговцев тканями, в молодые годы тянувшийся ко всему необычному, увлекся сенсимонизмом, но затем присоединился к фурьеристам. Поселившись в Лионе, он попытался реализовать свои проекты совместно с рабочими города. Они создали “Союз гармонии”, в котором объединились не только фурьеристы, но и поклонники “антиакадемических наук”, таких как гомеопатия, магнетизм и гипноз³.

Гомеопатия и социализм были для Мура своего рода столпами новой религии. С гомеопатией дело обстояло проще: он, действительно, стал авторитетным целителем, что ему впоследствии помогло в Бразилии, так как сам император увлекался этими методами⁴. Сложнее оказалось с социализмом, поскольку Мюр принадлежал к диссиденту в фурьеризме, противостоящим основной фракции во главе с Виктором Консидераном. Мюр представлял так называемых гарантистов, которые считали гарантией успеха социетарных экспериментов участие не только энтузиастов-социалистов, но и капитала, который сможет обеспечить экономический успех социальных начинаний.

В Лионе Мюр познакомился с лидером местных кооператоров, бывшим сенсимонистом Мишелем-Мари Деррином (1803–1850), и тогда у них возник план создания колонии в Новом Свете. Мюр перебрался в Бразилию и стал готовить почву для прибытия основных сил фурьеристов. Лионская группа во главе с Деррином создала акционерное общество “Промышленный союз”, которое в сентябре 1840 г. формально зарегистрировали в бразильском консульстве в Париже⁵. По уставу общества, как объединения усилий капитала, знаний и труда, акционерам принадлежало право решения всех вопросов колонии, что впоследствии послужило причиной конфликтов. Устав запрещал использовать наемный, рабский и иной труд кроме труда членов ассоциации⁶.

Прибыв заранее в Бразилию, Мюр добился от императорского правительства права на создание колонии на юге страны в Санта-Катарине, на полуострове Саи, недалеко от нынешнего Флорианополиса. Это было пустынное место, куда только ссылали преступников, и правительство было заинтересовано в его освоении колонистами. Мюр сам выбрал этот полуостров для будущей колонии.

Бразильский парламент не только передал Мюру эти земли в концессию, но и выделил “подъемные” в сумме 64 тыс. реалов⁷. Бразильские власти возлагали большие надежды на европейскую иммиграцию для колонизации южных районов страны. Выбранный участок земли представлял собой лесной массив, окруженный рекой. Для начала колонизации требовались большие усилия для расчистки земли, строительства дорог и мостов, так как Мюр изначально предполагал создать различные фабрики в колонии для производства экспортных товаров.

Во Франции набралось 110 человек (в том числе женщин и детей), готовых принять участие в бразильском проекте. Все они были из Лиона. Среди них были лица свободных профессий, рабочие, многие после Лионского восстания ткачей находились

³ О влиянии гомеопатии (как альтернативной аллопатии медицинской науки), альтернативной педагогики Жакото, мистики Сведенборга на первых социалистов в Бразилии см. *Галлу И. Бенуа Мюр: наука и утопия в Бразилии в XIX веке. – Латиноамериканский исторический альманах, № 13, 2013.*

⁴ *Desmars B. Médecine et fouriérisme. Les expériences d'Arthur de Bonnard. – Cahiers Charles Fourier, № 8, décembre 1997, p. 19–40*

⁵ *Utopismo socialista, 1830 – 1893. Prólogo, Selección, Notas y Cronología Carlos Rama. Caracas, 1977, p. LI.*

⁶ *Gallo I. El furierismo en Brasil: militantes, militancias y utopias. – Mundos posible. El primer socialismo en Europa y América Latina. México, 2014, p. 309–335.*

⁷ *Vinhas de Queiroz M. Fourier e o Brasil. – Revista História, Sao Paulo, 1990, № 122, p. 6.*

под полицейским надзором и желали покинуть страну. В сентябре 1841 г. они отправились в далекое путешествие, предварительно посетив могилу Фурье на кладбище Монмартра в Париже, где поклялись в верности идеям учителя⁸. В Рио-де-Жанейро колонисты были приняты со всеми почестями – они даже удостоились личного приема у императора.

Как только прибыли в Санта-Катарину, среди фаланстерианцев начались ссоры, спровоцировавшие раскол. В основе этих проблем лежали дрязги между руководителями. Мюр считал себя основателем и формальным лидером фаланстера. Он также считал, что может сам распоряжаться выделенным правительством займом.

“Чистые” фурьеристы не желали придерживаться принципов “капиталистического предприятия” и требовали немедленного введения в жизнь “социетарных” принципов. Они отказывались принимать как заем, так и руководящие претензии Мюра. “Чистые” во главе с Деррионом, одним из основателей и теоретиков кооперативного движения во Франции, опытным лидером лионских социалистов, более 10 лет возглавлявшим тамошних фурьеристов⁹, отделились от Мюра. В зарегистрированном еще в Париже “Промышленном союзе” фамилия Мюра отсутствовала в составе основателей¹⁰. Опираясь на это, Деррион претендовал на лидерство, но в Бразилии все нити проекта были в руках Мюра. Группа разделилась, раскол сопровождался угрозами и насилием. Мюр был готов уступить им часть земли, если люди Дерриона откажутся от своих “сенсимонистских”, т.е. социалистических, принципов.

В дело вмешалось бразильское правительство, которое миром решило этот спор. Две группы получили разные, хотя и соседние участки, а также на двоих разделили правительственную субсидию. Так, в Санта-Катарине образовались “Фаланстер Оливейра” Мюра и “Фаланстер Палмитал” Дерриона. Для пропаганды успехов бразильских фаланстеров во Франции издавалась газета “Премьер фаланстера” (*La Premier phalanstère*). Хотя новость о расколе не способствовала успешной пропаганде, тем не менее в 1842 г. в Бразилию прибыло еще 117 энтузиастов, распределившихся по обоим фаланстерам. Через год прибыли новые колонисты. В Палмитале насчитывалось 200 человек, а у Мюра около 100. Впоследствии Мюр заявлял, что они привлекли в Санта-Катарину всего 500 человек¹¹.

Тяжелая жизнь и примитивный быт в фаланстере привели к разочарованию многих, искавших рая на земле в экзотических странах. Немало колонистов покинули поселения. В 1843 г. во время торжественного собрания в годовщину смерти Фурье в фаланстере Мюра присутствовало лишь 60 человек¹².

В 1843 г. к фаланстерам присоединилась фурьеристка и феминистка Луиза Башелет, прибывшая в Бразилию из Монтевидео. Она оставила описание жизни фаланстера. Согласно ее тексту, колонии жили в отдельных домах, у них были лесопилка и кирпичная фабрика. Неплохой доход приносило строительство лодок, которые они продавали местным жителям. Колонисты занимались рыбной ловлей и сельским хозяйством, посадили сад из европейских фруктовых деревьев. Жизнь была тяжелой и незажиточной¹³. Обращает на себя внимание тот факт, что фурьеристы пользовались трудом местных индейцев для особо тяжелых или объемных работ. Это были наемные батраки, что противоречило самой сути доктрины¹⁴.

⁸ *Abramson P.-L.* Las utopías sociales en América Latina en el siglo XIX. México, 1999, p. 211.

⁹ *Gaumont J.* Le Commerce véridique et social de 1835 et ses souscripteurs. – *Revue des Études Coopératives*, Paris, № 15, 1925, p. 296.

¹⁰ К этому моменту Мюр уже был в Бразилии.

¹¹ *Gonçalves A.* As comunidades utópicas e os primórdios do socialismo no Brasil. – *E-topia: Revista Eletrônica de Estudos sobre a Utopia*, № 2(2004).

¹² *Vinhas de Queiroz M.* Op. cit., p. 11.

¹³ *Bachelet L.* Phalanstère du Bresil. Voyage dans L'Amérique Méridionale. Paris, 1842, p. 10–13, 19–20.

¹⁴ *Abramson P.-L.* Op. cit., p. 216.

Хотя фаланстеры в Саи владели жалкое состояние, они продержались достаточно долго. В 1846 г. по крайней мере один из них еще функционировал, но вожди их покинули. Деррион и Мюр перебрались в Рио-де-Жанейро, где помирились друг с другом. Оба входили в фурьеристский кружок в бразильской столице. Мюр активно помогал фаланстерам в Саи. В 1844 г. при его посредничестве в колонию прибыло еще 120 человек. Была построена мебельная мастерская, чья продукция через Мюра продавалась в Рио-де-Жанейро. На местный рынок колонисты также поставляли машины для очистки риса¹⁵.

Колония в Саи прекратила свое существование к концу 1840-х годов. Многие вернулись во Францию. Часть бывших колонистов осела в различных районах Бразилии. Значительное их число перебралось в Монтевидео, где была большая французская диаспора.

Мюр в Рио-де-Жанейро стал известным врачом-гомеопатом, создал Гомеопатический институт, написал научное исследование о лекарственных травах и ядах Бразилии. Его авторитет среди врачей был столь велик, что большинство гомеопатов столицы посещало фурьеристские собрания. Деррион основал в Рио-де-Жанейро фурьеристскую публичную библиотеку. Он умер в марте 1850 г. от желтой лихорадки. Мюр был разочарован в результатах социетарного эксперимента в Бразилии и в 1848 г. вернулся в Париж. Мюр писал: “Я должен признать провал того дела, которое, как мне недавно казалось, было легко осуществить. Одно лишь утешает, что я сделал все от меня зависящее для его реализации. Я был частью большого гуманитарного движения, чьими формулами я пользовался, и я уверен, что это великое движение медленно, но верно приведет нас к новым рубежам, обещающим блестящее будущее всему миру”¹⁶.

Инициатива французских фурьеристов с фаланстерами в Санта-Катарине имела несчастливый финал. Их проект опирался на иностранных колонистов, не желавших вовлечения в свои дела местных жителей. Фаланстеры так и остались для бразильцев экстравагантной выходкой иностранцев, ничего не оставив после себя кроме исторического анекдота.

Присутствие идей первого социализма в Бразилии становится вполне осязаемым в 40-е годы XIX в. Первой газетой, пропагандировавшей социалистические идеи, была “Глобу” (O Globo), названная по примеру известного сенсимонистского издания “Le Globe”. Бразильский аналог стал выходить в Рио-де-Жанейро в 1844 г. На страницах газеты излагались принципы доктрины Фурье, “социального вопроса” и “проблемы организации труда”¹⁷.

С 1845 г. в Нитерое (провинция Рио-де-Жанейро), фактически в столице, выходила газета “Социалиста да провинсия ду Рио-де-Жанейро” (O Socialista da Provincia do Rio de Janeiro). Редакторы заявляли о своей приверженности учению Фурье, которое они называли “социалистической наукой”. Отношение к социализму газета определила в своем первом номере: «“O Socialista” будет писать о практическом сельском хозяйстве, о социальной экономике, о педагогике Жакото¹⁸, о профилактике и домашней медицине и прежде всего о социализме, т.е. о новой науке, суть которой можно выразить словами: научить людей любить ближнего»¹⁹.

В этой газете сотрудничал Ж.Б. Мюр. Многими ее подписчиками были врачи-гомеопаты. Для круга интеллектуалов, гомеопатов, лиц свободных профессий, под-

¹⁵ *Vinhas de Queiroz M.* Op. cit., p. 11.

¹⁶ *La Philosophie absolue, par le docteur Mure.* Paris, 1884, p. 188.

¹⁷ *Leonido A.* Utopias sociais e cientificistas no Brasil, no final do século XIX. – *História, Ciências, Saúde, Rio de Janeiro*, v.14, 2007, № 3, p. 930.

¹⁸ *Жакото Жозеф* (1770–1840) – французский педагог, сторонник дидактики Песталоцци, стимулирующей развитие ученика. Считал обучение и педагогику “освободительной” теорией.

¹⁹ *Gallo I.* Op. cit. – Paper prepared for delivery at the 2009 Congress of Latin American Studies Association Rio de Janeiro, Brazil, 11–14 June – <http://lasa.international.pitt.edu/members/congress-papers/lasa2009/files/GalloIvone>.

держивавших газету, существовали три основы, на которых строились современные научные взгляды: это социализм, гомеопатия и религия (некая новая форма христианства, нонконформистская, теософская, мистическая религия). Первые социалисты в Бразилии среди своих идейных вдохновителей перечисляли Ганемана, Сведенборга, Жакото, Фурье – всех их они считали равноценными источниками своего мировоззрения. Если сравнивать с другими латиноамериканскими странами, особенностью бразильского первого социализма была его связь с этими нетрадиционными теориями и непризнанными, неофициальными науками, особенно с гомеопатией.

Картина распространения идей первого социализма будет неполной без упоминания редких и уникальных случаев увлечения латиноамериканских общественных деятелей и мыслителей, таких как крупнейшего бразильского предпринимателя и банкира виконта Мауа (Иринеу Еважелиста де Соуза) (1813–1889), идеями европейских социалистов. Мауа ориентировался на опыт французского промышленника, в прошлом сенсимониста, Мишеля Шевалье²⁰. Мауа был убежден, что наука, кредит и промышленный прогресс способны ликвидировать социальные противоречия, верил в научную организацию общественного производства в интересах всех слоев населения. Впоследствии его сенсимонизм, для пропаганды которого в Бразилии он сделал немало, трансформировался в увлечение позитивизмом О. Конта²¹.

Наиболее глубоко идеи социализма укоренились на северо-востоке страны, в Пернамбуку, где в те годы происходили бурные политические противостояния либералов и консерваторов, вылившиеся в так называемое Прайерское²² восстание 1848–1849 гг. Там сложился центр политической активности в Бразилии, где под влиянием “весны народов” в Европе 1848 г. произошли революционные события, позволяющие говорить о “бразильском 48-м годе”.

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭГАЛИТАРИЗМ В ПЕРНАМБУКУ

В начале 1840 г. в Пернамбуку часть либералов, находившихся в оппозиции местному олигархическому союзу семейств, откололась от своих соратников в остальной части Бразилии. Раскол в либеральной партии, которая фактически уже слилась с консерваторами, привел к появлению новой радикальной партии, которая стала называться Национальной, а в народе партией Прайи. Все 1840-е годы в Пернамбуку прошли в жестком противостоянии консерваторов и прайеров²³.

События в Европе 1848 г. особый отклик имели именно в Пернамбуку, где либералы были наиболее сильны. Французская революция 1848 г. вызвала большой подъем в их рядах. Один из радикальных народных лидеров А. Боржис да Фонсека в апреле 1848 г. писал в газете “Трибуну” (O Tribuna): “Французская революция вызовет пламя революции в Бразилии, и Пернамбуку не может остаться в стороне от этих событий”²⁴.

Классик бразильской историографии XIX в. М. Оливейра Лима отмечал сильное влияние европейской революции в Пернамбуку: “Сразу после февральской революции, свергнувшей с трона Луи Филиппа, среди масс возникли первые, пока путанные, но громкие социалистические призывы, у всех на устах были реформы, а мы, пернамбуканцы, попытались повторить здесь демократическое движение, подобное тому, что

²⁰ Utopismo socialista..., p. XLVIII.

²¹ Faria A. Mauá, Irineu Evagelista de Souza, barão e visconde de Mauá. Rio de Janeiro, 1946, p. 109–112.

²² По названию либеральной партии Прайи, в свою очередь названной по имени улицы Прайя (по-португальски означает “берег”) в Ресифи, где располагалась редакция газеты этой партии “Диариу нову” (O Diario Novo).

²³ Калмыков Н.П. Бразильская империя (1822–1889). – История Латинской Америки. Доколумбовая эпоха – 70-е годы XIX века. М., 1991, с. 244.

²⁴ Quintas A. O Sentido Social da Revolução Praieira. Rio de Janeiro, 1967, p. 77.

сотрясало Вену, Берлин и Италию. Бразильские возмущения не остались в стороне от общего движения, отсюда родилось пернамбуканское восстание”²⁵.

Консерваторы считали революцию в Европе главным побудительным мотивом для прайерского движения. Их газеты без устали упрекали прайеров в защите “красного братства”, в их следовании теориям Прудона и Бабефа²⁶. Восстание Прайи, социальные движения в Пернамбуку в 1848–1849 гг. отличались своим радикализмом; как писал либеральный историк Жоаким Набуку, “политика в Пернамбуку была отягощена социалистическим брожением”²⁷.

Любопытной особенностью политического расклада в Пернамбуку в конце 40-х годов XIX в. было появление прото-социалистического течения, представленного такими яркими фигурами, как журналист Антонио Педру де Фигейреду и священник Мигел ду Сакраменту Лопес да Гама, которые были поклонниками доктрин утопического социализма и развивали в этом направлении собственные идеи. Однако если Фигейреду примыкал к местным консерваторам и был последовательным противником прайеров, то Лопес Гама был активным членом Прайи.

Первым в Пернамбуку принес вест о социализме французский фурьерист инженер Луи-Лежер Вотье, прибывший в Ресифи в 1840 г. Вотье много размышлял над местной социальной действительностью, о чем свидетельствует его дневник. Вотье публиковал в журнале “Прогрессу” (O Progresso) статьи с проектами реформ в Бразилии²⁸. Он писал: “Я мечтал сдвинуть горы, мечтал о победах цивилизации, о космополитическом слиянии народов, о жизни согласно святым принципам справедливого распределения благ”²⁹.

Вотье получал из Франции социалистические книги, брошюры, прессу. В книжной лавке в Ресифи в 1845 г. на прилавке лежали французские книги, которые заказывал Вотье: “Фаланстерский альманах”, “Дети в фаластере”, “Крах политики”, книги Фурье “Понятие общественной науки”, “Анализ и защита системы”, “Краткое изложение системы” и другие социалистические издания. Местные газеты, даже консервативная “Диариу де Пернамбуку” (Diário de Pernambuco), печатали объявления о продаже фурьеристских книг, полученных из Франции. Об этих книгах так и писали: “публикации социетарной школы, только что прибывшие из Франции”. С этими книгами были знакомы и Фигейреду, и Лопес Гама, и другие интеллектуалы. В дневнике Вотье сохранился список подписчиков на социалистическую литературу, среди них были А.П. Фигейреду, А. Боржис да Фонсека³⁰.

В 1846 г. Вотье покинул Ресифе. Вернувшись во Францию, он активно участвовал в революции 1848 г., был социалистическим депутатом Национальной ассамблеи. По мнению классика бразильской историографии Жильберту Фрейре, Вотье сделал немало для “укоренения социалистических идей в этой части страны”. Фрейре называл его “инженером мостов и идей”³¹. Его деятельность дала свои плоды. Среди пернамбуканцев было немало поклонников новых идей.

Известный религиозный деятель Мигел ду Сакраменту Лопес да Гама увлекался сенсимонизмом. В своих публикациях он критиковал социальное неравенство, привилегии, сохранение безобразного института рабства³². Как отмечал бразильский

²⁵ *Oliveira Lima M.* Pernambuco. Seu desenvolvimento histórico. Leipzig, 1895, p. 312.

²⁶ *Segismundo F.* História popular da Revolução Praieira. Rio de Janeiro, 1949, p. 67.

²⁷ *Nabuco J.* Um Estadista do Império. Nabuco de Araujo. Sua vida, suas opiniões, sua época, v. 1. Paris, 1899, p. 91.

²⁸ O Progresso. Revista social, litteraria e científica. Recife, 1950, p. 109–133.

²⁹ *Leonido A.* Op. cit., p. 938.

³⁰ *Poncioni C.* Trajetos de livros, técnicas e ideias: França – Brasil entre 1840 e 1846. – www.iel.unicamp.br_coloquio_files_CLAUDIA_PONCIONI_por

³¹ *Marson I.* Um Engenheiro Francês no Brasil (Re)descobrimdo Louis-Léger Vauthier. – Acervo, Rio de Janeiro, v. 23, 2010, № 1, p. 179.

³² *Saldanha N.N.* História das idéias políticas no Brasil. Brasília, 2001, p. 181.

историк Висенте Лисиниу Кардозу, среди священников было немало прогрессивных людей и республиканцев, так как они не могли владеть рабами, а следовательно были свободны от этого морального и экономического груза³³.

Труды Лопеса Гама являлись ярким образцом социальной критики, по своему языку и направленности близкой социал-республиканизму и социализму европейского 1848 г. Сам Лопес Гама причислял европейских теоретиков социализма к своим единомышленникам. В 1845 г. Лопес Гама писал: “В наши дни Сен-Симон, Фурье и Оуэн предлагают свои решения для улучшения положения трудящихся классов через проведение всеобщей реформы общества”³⁴.

Лопес Гама призывал к использованию принципов социалистических учений в выработке текущей политики. В декабре 1845 г. в газете “Сете де сетембру” (O Sete de Setembro) он писал: “Я согласен с социалистической школой, что человеческие пороки разрушают всякие объединения людей, однако единственным средством от этого зла является медленная и мирная революция в образе мысли, в обычаях, в укладе жизни. Какое нужно правительство для осуществления этих изменений, я не знаю, но боюсь, что и следующее поколение не будет этого знать, но если не будет найдена формула, человечество ждет деградация”³⁵.

Как и европейские первые социалисты, Лопес Гама заявлял о равноценности любого политического режима, будь то республика или монархия. Да, он признавал благо представительной системы власти, но какой в ней был смысл для тысяч и миллионов угнетенных, рабов, лишенных каких-либо социальных прав. Какое значение имеет вопрос о форме политического правления, когда “я хочу заставить вас увидеть во всей полноте ужас нищеты и угнетения большинства людей”. Для него не существовали политические вопросы, пока не решены социальные³⁶.

В Бразилии в те годы мы встречаем самые парадоксальные сочетания идей и позиций, несовместимых по своей сути, невообразимых, например, в европейской политике. Так, сторонник либералов и даже их радикальной части, прайеров, и почитатель европейских социалистических идей Лопес Гама выступал с реакционными, ультрамонтанскими, клерикальными предложениями. В 1846 г. он, будучи депутатом парламента, предложил сделать обязательным для всех граждан посещение воскресной службы в церкви. А уничижительной критике за это его подвергал Антониу Педру Фигейреду, являвший политическим сторонником консерваторов, но при этом защищавший свободу совести³⁷. По своим же взглядам и увлечениям социалистическими теориями Лопес Гама и Фигейреду были фактически единомышленниками, оставаясь при этом непримиримыми политическими противниками.

Антониу Педру де Фигейреду (1822–1859) был оригинальным мыслителем, самым последовательным сторонником социалистических идей в Бразилии первой половины XIX в.³⁸ Он происходил из бедной семьи священника, расово считался мулатом. Фигейреду был вынужден очень рано покинуть родной дом и, переехав в Ресифе, самостоятельно трудиться, чтобы получить образование. В 1843 г. Фигейреду вошел в круг либеральной интеллигенции Пернамбуку, когда в 21 год опубликовал перевод работы В. Кузена “Курс истории философии”. Он был большим поклонником исторического метода Кузена, а собственные статьи он даже подписывал псевдонимом “Смуглый Кузен” (Cousin Fusco).

С 1846 по 1848 г. Фигейреду издавал в Ресифе журнал “Прогрессу”, который политически был сориентирован на консерваторов в их противостоянии с правящей партией Прайи. Они же и финансировали это издание. Инициированный консерва-

³³ O Brasil no pensamento brasileiro. Brasília, 1998, p. 173.

³⁴ Gonçalves A. Op. cit.

³⁵ Quintas A. O padre Lopes Gama político. Recife, 1958, p. 35.

³⁶ Ibid., p. 43.

³⁷ O Progresso..., p. 154.

³⁸ The European Revolutions of 1848 and the Americas. London, 2002, p. 107.

торами, журнал стал рупором социализма. Это был печатный орган, где постоянно обсуждались темы, связанные с новыми идеями, с социализмом, были многочисленны упоминания, цитаты, переводы работ европейских социалистов.

Бразильский исследователь Амару Кинтас, издавший в 1950 г. статьи “Прогрессу”, в том числе и принадлежавшие перу Фигейреду, отмечал: “В трудах этого мулата (Фигейреду. – *А.Ш.*) мы находим, с одной стороны, социалиста, ищущего решение проблем того времени в духе социализма первой половины XIX в., обычно называемого утопическим, а с другой – ученого, занятого поиском решения в рамках реальности в соответствии с потребностями и возможностями бразильского общества”³⁹. Журнал Фигейреду был ярким явлением интеллектуальной и политической жизни Бразилии середины XIX в.

На страницах журнала Фигейреду высказывал идеи, почерпнутые у Фурье, Прудона и других социалистов. Сам Фигейреду считал себя социалистом. В 1852 г. он писал: “Общая формула социалистической школы, к которой я принадлежу, состоит в последовательной реализации христианских принципов свободы, равенства и братства, без насилия и в соответствии с национальными условиями каждой страны”. При этом он утверждал, что существует множество теорий социализма, и ни к одной из них он не примыкал, но считал себя социалистом, ибо главное в этой доктрине – это ее общие цели, смысл и дух⁴⁰. Фигейреду не был твердым последователем одного из течений первого социализма, хотя наибольшую симпатию у него вызывали идеи Фурье, но на него оказали влияние также теории Сен-Симона, Блана, Прудона, Леру, христианского социализма Буше и Ламенне. Более того, христианство он считал предшественником социализма⁴¹. Подчеркивал значение сенсимонизма для научной организации труда и социальной жизни, но и делал оговорки, усматривая в идеях Сен-Симона тоталитарное начало, ведущее к порабощению большинства населения⁴².

У Ламенне он увидел главное, чего не замечали многие его современники, поклонники “мятежного аббата”: мораль неотделима от свободы и является орудием социального действия, трансформирующего действительность. Ламенне перенес свободу на социальную сферу, на права людей, объявив аморальными эксплуатацию и закабаление трудящихся⁴³.

Как и на многих других представителей 48 года, социалистов, романтиков, большое влияние на Фигейреду оказали неконформистские и альтернативные принятым научным и общественным установкам теории. Фигейреду был знаком с некоторыми теософскими идеями и мистикой Э. Сведенборга⁴⁴. Так же, как и социалисты из Рио-де-Жанейро, Фигейреду и его сподвижники проявляли интерес к гомеопатии, в “Прогрессу” публиковались материалы о С. Ганемане, о его революционной теории в медицине, которая представлялась частью борьбы за социальное освобождение⁴⁵.

Журнал Фигейреду был известен европейским социалистам. Французская газета “Демократия” (*Democratie*) отмечала, что “Прогрессу” является “новым социалистическим органом печати в Бразилии”, распространяющим идеи Фурье в Новом Свете. Фигейреду гордо цитировал французов как подтверждение того, что “наша (его журнала. – *А.Ш.*) программа полностью соответствует доктрине Социетарной школы, что они признают ее и выражают журналу свои наилучшие пожелания”⁴⁶.

³⁹ О Progresso..., p. VII.

⁴⁰ Almeida M.F. A Revista O Progresso e a proposta de reformas sociais. Sao Paulo, 2011, p. 143–146.

⁴¹ Lara T.A. A ética espiritualista de Antônio Pedro de Figueiredo. – Estudos Filosóficos, 2011, № 7; São João del-Rei-Minas Gerais, 2011, p. 192–195.

⁴² О Progresso..., p. 541–545.

⁴³ Ibid., p. 650.

⁴⁴ Ibid., p. 109.

⁴⁵ Ibid., p. 434–435.

⁴⁶ Ibid., p. 400–401.

Уже после подавления прайерского движения (1848–1849 гг.) и наступления реакции Фигейреду остался верным социалистическим идеям, так как он их понимал. В 1852 г. он писал: “Социализм – это не жесткая доктрина, он пока остается лишь мечтой, стремлением людей преобразовать современное социальное состояние в направлении улучшения морального и материального положения всех членов общества. Для достижения своих идеалов каждая социалистическая школа предлагает различные методы, но руководствуется самыми чистыми и благородными намерениями, их целью является осуществление на земле принципов свободы и братства”⁴⁷.

Статьи Фигейреду провозглашали принципы общественной солидарности и справедливости. Он призвал создать такую социальную организацию, когда деятельность индивида будет иметь своей целью процветание коллектива, общества или, как он писал, “социального индивида”. Этому мешали противостояние труда и капитала, пагубные общественные отношения, углубляющаяся пропасть, “разделяющая паразитические классы и трудящихся, гибнущих от ужасающей нищеты”⁴⁸. Он писал: “Капитал всегда безжалостно обирает трудящихся, стремясь к стопроцентной прибыли, сверх-эксплуатируя труд... Имя этой системе – угнетение большинства меньшинством. Это несправедливое, антигармоничное, антисоциальное положение не может не вызывать нашего беспокойства о будущем... Феодализм по праву рождения был заменен феодализмом денег, капитала, демонстрируя еще большую жестокость, несправедливость и тяжесть угнетения трудящихся”⁴⁹.

В 1847 г. Фигейреду писал: “В Европе повсюду нищета давит трудящиеся классы, питает ненависть, готовит революции и беспорядки. Политический барометр в Европе показывает бурю, которая не заставит себя ждать”⁵⁰. Пророчество Фигейреду очень скоро сбылось. События февраля и июня 1848 г. в Париже подробно освещались на страницах “Прогрессу”. Революцию 1848 г. Фигейреду воспринял как начало новой эпохи, как подлинную “весну народов”, как преддверие социальной республики и торжества принципов “гарантизма”.

Фигейреду, говоря о целях революции 1848 г. во Франции, утверждал, что главное в ней – это “завоевание права на труд”⁵¹. Это право он называл правом на жизнь, без которого свобода, равенство и братство становятся пустыми словами: «Что значат эти слова сегодня? Что значит равенство, когда небольшое число привилегированных обладают результатами труда многих тысяч своих братьев? Что означает братство в том социальном организме, где обожествляется эгоизм, написавший на своих знаменах: каждый сам за себя? Что значит слово “свобода” в нашем обществе, где массы зависят от небольшого количества людей, от милости капитала, вольного решать вопросы жизни и смерти, судьбы людей». Признавая право на труд, общество признает право на жизнь. Фигейреду заключал, что это то право, о котором многие годы назад говорил “великий гений нашего века Шарль Фурье, чья теория известна под именем гарантизма”⁵².

После рабочего восстания в июне 1848 г. в Париже Фигейреду в отличие от многих либералов, поддержавших февральскую революцию, но осудивших июньское восстание рабочих в Париже, солидаризировался с последними. Виновниками восстания он назвал буржуазных лидеров временного правительства. Он писал: “Это была социальная, а не политическая революция. Это была борьба труда и капитала, борьба большинства нации с привилегированным меньшинством”⁵³. Фигейреду оказался с со-

⁴⁷ *Periotto R.M.* Antonio Pedro de Figueiredo, A revista O Progresso e a educação. – Navegando na História da Educação Brasileira. HISTEDBR, p. 10. – <http://www.histedbr.fae.unicamp.br/navegando>

⁴⁸ O Progresso..., p. 207.

⁴⁹ Ibid., p. 548–551.

⁵⁰ Ibid., p. 415.

⁵¹ Ibid., p. 827.

⁵² Ibid., p. 776–778.

⁵³ Ibid., p. 889.

циалистами и социал-республиканцами, а не с либералами. Это был идеологический выбор, обусловленный его собственной идейной эволюцией.

В августе 1848 г. он писал в “Прогрессу”: “Революционеры февраля – молодежь, социалисты и рабочие – пошли дальше, взяли оружие в руки и восстали в июне. Их разбили, это так, но рано или поздно победа будет за их идеями. Мы хотим того же, что и парижские революционеры июня: это создание правительства, которое будет представлять все общество, будет активно вмешиваться в вопросы производства, распределения и потребления, чтобы через регулирование этих отношений со временем заменить то состояние войны, в котором ныне живет человеческое общество, на торжество братства”. Кровавое подавление июньского рабочего восстания в Париже Фигейреду воспринял как поражение всей европейской революции. Он выражал надежду, что рано или поздно “на место ужасных законов Мальгуса и Сэя придут законы справедливости и благородства”. Он верил, что “в грядущем обществе будет царить всеобщее братство”, т.е. социализм⁵⁴.

Фигейреду под социализмом понимал эгалитарное общество мелких собственников-тружеников, строй социальной справедливости, в основе которого будет лежать труд⁵⁵. Социализм был для него средством уменьшения огромного социального неравенства, царящего в бразильском обществе, а в практическом смысле – системой, предполагающей “научную организацию общества во имя счастья народов” прежде всего в экономической сфере.

Фигейреду предлагал вводить “гарантистские” (т.е. социалистические) институты уже в современной ему Бразилии. Фактически речь шла о создании социального государства, которое помимо обычных своих обязанностей будет окружено “гарантистскими учреждениями”. “Надо уменьшить власть капитала, заставить его нести большую часть социального груза, установить минимальный заработок, создать агентство продовольствия и пр.” Путь реализации этой программы – избиратель должен навязать ее своим депутатам⁵⁶.

Чтобы обеспечить экономический прогресс и процветание бразильских ремесленников и промышленников, было необходимо, по убеждению Фигейреду, изменить основы налоговой политики, но главное – обеспечить их государственным льготным кредитом⁵⁷. Он предлагал создать государственный Народный банк, который бы уничтожил ростовщичество, выдавая кредиты на льготных условиях. Процент по кредиту должен был бы устанавливать провинциальный парламент. Также Фигейреду предлагал преобразовать кассу взаимопомощи, созданную Прайей в 1847 г., в банк для бедных, для ремесленников. Капитал предоставило бы государство, в то время как существовавшая касса действовала на условиях взаимности вкладчиков⁵⁸. Это – один из широко распространенных рецептов социалистов 1848 г.

Вслед за Л. Бланом бразильские эгалитаристы и социалисты утверждали, что конкуренция является причиной разорения и сверхэксплуатации рабочих, следовательно, необходимо искать такие формы организации производства, которые бы гарантировали права трудящихся, ограничив воздействие стихийных сил экономики. Фигейреду писал, что в Англии и во Франции нет дня, чтобы тысячи рабочих не теряли работу, чтобы им не снижали зарплату, что являлось результатом анархической конкуренции хозяев фабрик⁵⁹.

Фигейреду требовал принять такие меры, что разрушили бы торговую монополию олигархии, а пока следовало установить контроль за ценами со стороны государства, муниципалитетов, чтобы защитить низшие и средние слои города. Для этого Фигейре-

⁵⁴ Ibid., p. 888–889.

⁵⁵ Almeida M.F. Op. cit., p. 81.

⁵⁶ O Progresso..., p. 547, 551.

⁵⁷ Ibid., p. 257–260.

⁵⁸ Ibid., p. 794.

⁵⁹ Ibid., p. 207.

ду предлагал создать специальные торговые монополии и государственные магазины, которые бы продавали товары по фиксированным ценам⁶⁰.

Как и Блан, Фигейреду считал необходимым проведение базовых реформ, которые поставили бы под контроль общества как производство, так и распределение в интересах всех граждан. Первыми такими реформами должны были стать налоговая и аграрная. Первая изменила бы принципы распределения, а вторая – производства.

Налоговая реформа имела целью создание механизма, при котором государство смогло бы косвенно управлять частным, индивидуальным хозяйством. И главное, – постепенно исправить дефекты имущественного неравенства. Он предлагал прогрессивное налогообложение, “налоги должны больше давить на богатых, чем на бедных”. В сентябре 1847 г. Фигейреду подготовил проект налоговой реформы, по которой доходы менее 200 тыс. реалов годовых, т.е. бедняки и большая часть среднего класса, освобождались от налогов⁶¹. Другим орудием торжества принципов равенства в сфере распределения должен был стать налог на наследство. Фигейреду предлагал ввести высокую ставку налога на наследство, вплоть до 30%⁶².

В центре экономической программы Фигейреду была аграрная проблема. Он призывал разорвать порочную связь политической власти “полковников”⁶³ в провинции с их монопольным положением в землевладении, когда масса земли оставалась необработанной, а селяне страдали от безземелья. Фигейреду писал, что 200–300 тыс. человек живут в качестве арендаторов на землях латифундистов, которые могут их изгнать в любой момент; “плохое распределение земли – источник всех наших бед”⁶⁴. Латифундизм порождал всевластие олигархии, а существующий “автократический режим был производным от системы земельной собственности”. В латифундии, писал Фигейреду, “труд унижается, в ней процветает работорговля белыми, это современное рабство в лице наемных работников или арендаторов”. Земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает⁶⁵.

Фигейреду считал оправданным и необходимым начать с изъятия пустующих земель латифундий, что было бы первым шагом к разрушению “феодализма”. Чтобы “заставить землевладельцев продать землю народу”, Фигейреду в своем проекте закона (1847 г.) предлагал установить прогрессивный земельный налог, который сделал бы невозможным удержание земли в одних руках и привел бы к ее перераспределению среди мелких собственников. Он полагал, что налог в 10 реалов за 43,5 га площади (100 *braças quebradas*) заставит землевладельцев распродать крестьянам пустующие земли, не приносящие дохода налогоплательщику.

Излишки земли должны были быть проданы крестьянам и городским безработным, им для этого следовало предоставить государственный кредит. Купля–продажа земли изымалась из свободного рынка и ставилась под контроль муниципалитетов, которые становились главной политической и экономической единицей. Автор проекта заключал: “Этот закон фактически предлагает смерть деспотизму”⁶⁶.

После событий февраля 1848 г. в Париже позиция Фигейреду по аграрному вопросу становится более радикальной. Он требовал “отменить процентные ставки по кредиту, провести мобилизацию земли, эффективное использование которой должен

⁶⁰ Ibid., p. 859.

⁶¹ Ibid., p. 702.

⁶² Ibid., p. 490–493.

⁶³ Крупных землевладельцев называли “полковниками”, так как они возглавляли отряды Национальной гвардии в своей местности и фактически были политическими хозяевами провинций.

⁶⁴ O Progresso..., p. 550.

⁶⁵ Ibid., p. 407–408.

⁶⁶ Ibid., p. 418–428.

контролировать государственный земельный банк”, т.е. предлагал насильственное изъятие излишков земли⁶⁷.

Проведение аграрной реформы для Фигейреду было предпосылкой для создания эгалитарного общества, где будет преобладать “средний класс”, вытеснив как богачей-латифундистов, так и нищих пролетариев, что сделает ненужной любую революцию или восстание. Примером для него были аграрные законы в США. Эта реформа, писал он, направлена “против угнетения труда капиталом, когда все богатства общества находятся в руках ростовщиков и бездельников, которые распоряжаются трудящимися как рабами”⁶⁸.

Фигейреду предлагал государству приложить усилия для колонизации страны и освоения новых территорий, используя внутренние ресурсы и излишек населения в городских центрах, не допуская концентрации земли в руках латифундистов. Если не направить нуждающееся население на колонизацию, то, предупредил Фигейреду, произойдет маргинализация большей части городского населения, которое не сможет найти себе применения, т.е. Бразилия повторит печальный опыт Европы, где с ростом населения увеличилось число “опасных классов”⁶⁹. Как утверждала историк Изабель Марсон, Фигейреду своим аграрным проектом по привлекательности для городских низов превзошел даже либералов-прайеров⁷⁰.

Фигейреду защищал конституционную монархию, но при этом предлагал план политической реформы. Опираясь на идеи Ж.Ш. Сисмонди, он выступал за максимальную муниципализацию власти. Фигейреду с большим вниманием наблюдал за кантональной революцией в Швейцарии, много писал об успехах швейцарских социалистов.

Согласно Фигейреду, муниципия (коммуна) должна была стать основой политического устройства в Бразилии. Не автономия огромных провинций, что было лозунгом многих регионалистских движений, в том числе и Прайи, а максимальное приближение власти на местах к гражданам. Муниципализация должна была сопровождаться выборностью всех должностных лиц, в том числе полиции и национальной гвардии, учреждением независимых судов присяжных на всех уровнях⁷¹. Эта политическая реформа должна была привести к всемерному укреплению основы демократии – среднего класса.

Фигейреду вслед за европейскими первыми социалистами считал политическую борьбу вторичной и ненужной. Он вопрошал: “Чего стоят политические реформы без социальных преобразований! Они лишь маска и ничего более”⁷². Он не был революционером и осуждал всякое политическое насилие, рассчитывая исключительно на политику реформ и медленную эволюцию, считал, что, пока есть условия для мирного прогресса и развития, восстания вредны. Фигейреду вполне допускал проведение “гарантистских” реформ монархическими и даже диктаторскими режимами (европейские фурьеристы были вполне готовы сотрудничать с июльской монархией, с Максимилианом Габсбургом в Мексике или с диктатурой Росаса в Аргентине⁷³). Фигейреду призывал к “гарантистским” реформам в рамках бразильской конституционной монархии.

За его враждебность Прайерской партии И. Марсон причисляла его к консерваторам, хотя те не считали его своим единомышленником за радикальные эгалитарные

⁶⁷ Ibid., p. 792–793.

⁶⁸ Ibid., p. 551.

⁶⁹ Almeida M.F. Op. cit., p. 45, 61.

⁷⁰ Marson I. *Revolução Praieira: resistencia liberal à hegemonia conservadora em Pernambuco e no Império (1842–1850)*. São Paulo, 2009. p.38.

⁷¹ O Progresso..., p. 855–860. Правда, выборность у Фигейреду дополнялась пожизненным занятием многих постов, судей, например, что, по его мнению, должно было оградить их от политического давления властей.

⁷² Ibid., p. 399.

⁷³ См. Щелчков А.А. Европейские пилигримы социализма в Латинской Америке в XIX в. – Латинская Америка, 2012, № 5, с. 67–81.

взгляды⁷⁴. Фигейреду оставался чуждым как либералам, так и консерваторам. Он остался “белой вороной” на политическом ландшафте Бразилии середины XIX в.

Лопес Гама и Фигейреду принадлежали к противоположным политическим лагерям. Немало язвительных и критических стрел они посылали друг другу в своих статьях и речах. Вместе с тем и тот, и другой высказывали идеи социального эгалитаризма, торжества труда над паразитизмом высших классов, разделяли большинство тезисов европейского первого социализма.

Фигейреду пытался предложить конкретные реформы в духе революции 1848 г. и социалистических доктрин, оказавших на него огромное влияние. Он не был революционером и бунтарем, а его социализм оставался чистой теорией, а такие пернамбуканские политики, как А. Боржис да Фонсека и Ж.И. Абреу-и-Лима, по выражению бразильского историка Н.Н. Салданьи, “представляли иной тип социализма, связанный с агитацией и революционной деятельностью”⁷⁵.

Одной из главных фигур событий 1848–1849 г. в Пернамбуку был Антониу Боржис да Фонсека (1808–1872), которого народ прозвал “Республиканцем”. Один из крайних реакционеров, начальник полиции Ресифи Ж.М. Фигейра де Мелу, писал о нем: “Этот человек в течение всей своей жизни своими статьями и делами боролся за торжество республиканских идей... Он был увлечен демагогическими доктринами от Руссо до Кабе, они были для него нечто вроде оракулов. Он владел языком, который находил живой отклик у безграмотных низших классов, к ним он постоянно обращался с планами провозглашения республики”⁷⁶.

Боржис да Фонсека был хорошо знаком с социалистическими идеями, в частности с фурьеризмом. Большинство историков, исследовавших его взгляды, единодушно указывают, что он был поклонником христианского либерализма Лакордера и социал-христианских идей Ламенне, социализма Фурье и Блана⁷⁷.

Боржис да Фонсека олицетворял социал-республиканизм 48 года. Ж. Набуку называл его главным проводником европейского 48 года в Пернамбуку, и в первую очередь социалистических идей⁷⁸. Это мнение опиралось на высказывания самого Боржиса да Фонсеки, который считал прайерское восстание “социальной революцией 1848 г.”⁷⁹ Уже после поражения восстания он настаивал, что оно “было социальной необходимостью”, а в другом месте утверждал: “Это не была борьба партий друг с другом, а борьба народа против власти... Движение 1848 г. было неудачной попыткой подлинной революции, вызванной влиянием великих передовых идей, нашедших пока незрелую почву, что и предопределило поражение”⁸⁰.

В 1849 г. Боржис да Фонсека разработал “Манифест к миру”, программный документ прайерского восстания, которое он рассматривал как часть единого с европейской революцией процесса борьбы с тиранией и монархиями, за социальную республику. Отдельным и важным пунктом “Манифеста к миру”, свидетельствующем о социалистических влияниях 48 г., было требование права на труд⁸¹. Боржис да Фонсека воплощал собой, пожалуй, самое точное воспроизведение в Бразилии европейского 48 года.

⁷⁴ *Marson I. Movimento Praieiro: imprensa, ideologia e poder político. São Paulo, 1980, p. 82.*

⁷⁵ *Saldanha N.N. Op. cit., p. 201.*

⁷⁶ *Figueira de Mello J.M. Crônica da Rebelião Praieira em 1848 e 1849. Rio de Janeiro, 1850, p. 89, 394.*

⁷⁷ *The European Revolutions..., p. 116.*

⁷⁸ *Nabuco J. Op. cit., p. 98.*

⁷⁹ Боржис да Фонсека был убежденным противником Прайи и даже был посажен прайерами в тюрьму, однако после ухода Прайи в оппозицию и начала восстания он решительно присоединился к нему и даже возглавил одну из армий прайеров.

⁸⁰ *O Brasil no pensamento brasileiro, p. 286–287.*

⁸¹ *Figueira de Mello J.M. Op. cit., p. 194–195.*

После поражения Прайерского восстания 1848–1849 гг. газета “Диариу нову” отмечала, что это была победа латифундистской олигархии, которая держится за институт рабства и ведет страну к революционному кризису наподобие европейского: “Земельная аристократия исключает массы народа из хозяйственной обработки земли, хотя и могла быть использована как свободная наемная рабочая сила, но землевладельцы привязаны к рабскому труду. Это ведет к войне, а пока, как всегда, мы видим победу капитала над трудом и свободным наймом. Сегодня против этой победы в Европе поднимаются различные течения социализма”⁸². В середине века в Пернамбуку существовало радикальное, близкое христианскому и утопическому социализму, социал-республиканское течение, чьи действия и программа близки европейскому 1848 г.

ЖУЗЕ ИНАСИУ АБРЕУ-И-ЛИМА (1794–1869) И ЕГО КНИГА “СОЦИАЛИЗМ”

Ж.И. Абреу-и-Лима родился в Ресифи 6 апреля 1794 г. Его отец был одним из лидеров революции 1817 г. в Пернамбуку, боровшейся за независимость Бразилии. Был приговорен к смерти португальскими властями. Жузе Инасиу присутствовал на страшном спектакле расстрела отца. После этих печальных событий Абреу-и-Лима покинул страну и отправился в США, а затем перебрался в Пуэрто-Рико. В испанских владениях он познакомился с испаноамериканскими патриотами, которые вовлекли его в дело борьбы за независимость Испанской Америки. Он вступил в ряды армии Боливара, следовал за ним во всех его походах. В 1830 г. Боливар возвел его в чин бригадного генерала.

Абреу-и-Лима обладал прекрасным писательским даром, с 1819 г. публиковал статьи в венесуэльских газетах. В 1828 г. Боливар поручил именно ему написать историю его диктатуры, которая должна была стать ответом на обвинения в его адрес со стороны Бенжамина Константа. Боливар хотел опубликовать ответ на инвективы Константа, так как защита его имени испанским историком аббатом Прадтом показалась ему недостаточной⁸³.

Абреу-и-Лима был предан Боливару до конца жизни Освободителя, сопровождал его в последнем путешествии после отставки. После смерти Освободителя вместе с другим преданным соратником Боливара, ирландцем Д. О’Лири, на одном корабле покинул Колумбию. О причинах такого решения он писал: “После смерти Освободителя я бежал от революции, которая охватила всю страну, я не хотел быть палачом колумбийского народа... Я и еще три генерала не хотели участвовать в гражданской войне и покинули это поле анархии”⁸⁴.

Абреу-и-Лима вернулся в Бразилию, которая к этому времени стала независимой империей. В 1844 г. он перебрался в Ресифи, где жил его брат Луис Инасиу, основатель главной газеты прайерской партии “Диариу нову”. В 1844 г. он встал во главе этой газеты. Однако с братом отношения не сложились из-за споров по их общему наследству, и тогда в мае 1848 г. Абреу-и-Лима стал издавать свою газету “Барка де Сао Педру” (A Barca de São Pedro), ставшую рупором радикального крыла прайеров.

После начала восстания Прайи он поддержал его, призывая осуществить подлинную революцию, а не простой военный мятеж или народный бунт. В одном из последних номеров своей газеты незадолго до начала восстания, в октябре 1848 г., он писал о своем видении будущего общества: “Мне представляется, что главным принципом общественного устройства должна стать община, основанная на труде, т.е. на социалистических принципах, которые разработали в своих доктринах сенсимонисты,

⁸² O Brasil no pensamento brasileiro, p. 288.

⁸³ *Abreu e Lima J.I.* Resumen histórico de la última dictadura del Libertador Simón Bolívar comprobada con documentos. Rio de Janeiro, 1922, p. CIV–CV.

⁸⁴ A Torre de Babel, Rio de Janeiro, 6.III.1833, p. 1.

коммунисты и фюреристы. Однако одной теории недостаточно, чтобы идеи сами по себе управляли миром”⁸⁵.

2 февраля 1849 г., когда прайеры пытались взять штурмом Ресифи, Абреу-и-Лима был арестован. Сначала его приговорили к пожизненному заключению, но затем оправдали, так как он не участвовал в вооруженных действиях, а лишь писал в газетах. В 1855 г. Абреу-и-Лима опубликовал обширный труд “Социализм”, написанный им в 1852 г. по свежим впечатлениям от революции в Ресифи, в котором сформулировал свое отношение к этой доктрине и к европейским революциям 1848 г.

Последние годы жизни он много писал по церковным проблемам, боролся за свободу совести. Как и другие бразильские первые социалисты, Абреу-и-Лима страстно увлекся идеями Ганемана, гомеопатией, которая стала для него второй религией. Умер Абреу-и-Лима 8 марта 1869 г. За его тексты епископ Олинды запретил хоронить его на католическом кладбище. Его тело нашло последний покой на протестантском кладбище Ресифи⁸⁶.

Как и для многих первых социалистов в Латинской Америке, вдохновляющими Абреу-и-Лиму были социал-христианские идеи аббата Ламенне, о чем он заявлял на первых страницах “Социализма”⁸⁷. Он обратился к социалистическим идеям после знакомства не только с работами Ламенне, но и с трудами А. Сен-Симона, Ш. Фурье и П. Леру.

Книга “Социализм” претендовала представить читателю систематизацию всех социальных и философских доктрин, важнейшее место среди которых занимали социалистические идеи, а их автор считал вершиной современной мысли. Абреу-и-Лима довольно критично оценивал доктрины Сен-Симона, Фурье и Оуэна. С одной стороны, он признавал их вклад в анализ противоречий и несправедливостей современного мира: “Сен-Симон, Шарль Фурье и Роберт Оуэн, все эти трое подробно проанализировали наше современное социальное состояние; кто хочет подробно изучить нищету, пороки и несовершенство современной цивилизации, должен обратиться к их книгам”⁸⁸. С другой стороны, их выводы и предложения не только смешны и утопичны, но и вредны, разрушительны: “Морелли, Бабеф, Фурье, Сен-Симон и Оуэн – все они пчелы из одного улья, но несут они не мед, а яд”⁸⁹. Их вред состоял, по его мнению, в отходе от научных принципов, провозглашенных ими, в том, что рисовали невероятные миражи, которые невозможно осуществить в реальности.

При всем этом критическом отношении социализм, по его мнению, включал практически все достижения современной философии, а в социальной области сочетал религиозные чувства и братскую любовь человека к человеку: “Социализм – ни наука, ни доктрина, ни религия, ни секта, ни система, ни принцип, ни идея, он больше, чем все это вместе взятое, так как является провидением, божественным предназначением человечества. В чем состоит социализм? В тенденции человечества стать одной общей семьей. Как и в чем отражается эта тенденция? В тех социальных явлениях, которые есть повсюду и которые мы здесь называем социализмом”⁹⁰.

Благосостояние людей и солидарность были для Абреу-и-Лимы сутью социализма. Социализм призывал к справедливому распределению, которое и является основой всеобщего благосостояния: “Благосостояние человека является целью современного общества. Это хорошо показывает, что весь мир стремится к социализму в лучшем смысле этого термина... Справедливое распределение является одним из основных принципов нового порядка вещей в мире”. Однако материальное благосостояние должно опираться на моральное совершенствование, ибо общество должно помнить

⁸⁵ *Chacón V. Abreu e Lima General de Bolívar. Caracas, 1985, p. 184.*

⁸⁶ *Abreu e Lima J.I. Resumen histórico..., p. CXII.*

⁸⁷ *Abreu e Lima J.I. O Socialismo pelo General Abreu e Lima. Recife, 1855, p. 8–14.*

⁸⁸ *Ibid., p. 60–61.*

⁸⁹ *Ibid., p. 52.*

⁹⁰ *Ibid., p. 7.*

об инвалидах, сиротах, стариках, больных, всех тех, кто нуждается в заботе и помощи⁹¹.

Максимально расширительное толкование социализма у Абреу-и-Лимы вело к осуждению всех существовавших тогда социалистических теорий, как сектантских и сводивших современную проблематику к экстравагантным рецептам преобразований. Социализм для Абреу-и-Лимы должен был обеспечить торжество прогресса и благосостояния, мирную эволюцию, стать залогом эволюционного социального оптимизма. Фактически социализм у Абреу-и-Лимы был синонимом прогресса⁹².

В книге “Социализм” есть несколько глав, посвященных России, в которой автор усматривал огромную опасность для дела свободы в Европе и мире. Он считал, что Европа пройдет через революции и реформы в направлении торжества социалистических принципов и только тогда возможны изменения на востоке континента⁹³.

Абреу-и-Лима осуждал революции, если они вели лишь к политическим, а не к социальным изменениям. С этой точки зрения, он не видел преимущества республики перед монархией. Он считал, что и конституционная монархия вполне способна создать предпосылки для победы социализма. В этом он мало отличался от самого Ш. Фурье или В. Консидерна: “Лучшее правление это ни монархия, ни республика, ни аристократия, ни демократия, а такое, которое сделает возможным достижение счастья людьми, благополучия и богатства народа”⁹⁴.

Как справедливо писал о нем французский историк П.-Л. Абрамсон: «Книга “Социализм” разочаровывает своими упрощениями, а также провиденциальным взглядом на мир словно глазами священника, чем веет со всех ее страниц... Но его спасает твердая вера в социальный прогресс, которая также вдохновляла революционеров Пернамбуку. Социальная утопия занимает в ней основное место»⁹⁵.

События в Пернамбуку в 1848–1849 гг. ставят их в один ряд с европейскими движениями “весны народов”. Социализм Фигейреду, Абреу-и-Лимы и других социальных эгалитаристов, социальный республиканизм Боржиса да Фонсеки придали событиям в Пернамбуку характер не простого регионального восстания, а революции, типологически близкой европейской, связанной с эпохой модерности. Этот период в истории Бразилии, а точнее ее северо-востока, вполне может быть назван “бразильским 1848 г.” Появление в Бразилии самостоятельного и самобытного течения первого социализма, хронологически совпавшего с подобными явлениями в Европе, свидетельствует о высокой степени вовлеченности латиноамериканской политической и общественной мысли в общие процессы мирового развития, их тесной связи с европейскими революционными событиями и тенденциями. Совершенно очевидно, что задолго до распространения анархизма, марксизма на всех континентах, социализм стал мировым явлением, частью которого были его проявления в странах Латинской Америки.

Первый социализм в Латинской Америке ставил задачи и формулировал цели, которые должны были привести к созданию общества всеобщего благоденствия и гармонии:

– мораль должна главенствовать над всеми социальными проектами и отношениями между людьми (капитализм и эксплуатация – аморальны, следовательно, необходимо революционное обновление);

– церковь превратилась в реакционную корпорацию, извратившую подлинную веру. Необходимо вернуться к истокам изначального христианства, чьи основы могут послужить фундаментом социализма и общества социальной гармонии. Церковь как институт должна быть отделена от государства;

⁹¹ Ibid., p. 30–35.

⁹² Ibid., p. 40.

⁹³ *Chacón V.* Op. cit., p. 181.

⁹⁴ *Abreu e Lima J.I.* O Socialismo..., p. 346.

⁹⁵ *Abramson P.-L.* Op. cit. 164.

– отказ от насилия во имя достижения своих целей, нужна мирная революция сознания. Путь к ней через просвещение, социальный реформизм и личный пример.

Бразильский первый социализм середины XIX в. занимает важное место в этом ряду, представляет собой яркое явление в истории этой южноамериканской страны. Не имея непосредственных последствий в политической жизни, социализм ставил задачи и указывал на общественные цели, которые в той или иной степени вошли в идейно-политический багаж бразильской общественной мысли и практики различных политических сил. Во многих современных латиноамериканских странах левые силы, испытавшие глубокое разочарование от социализма в 90-е годы XX в., ищут вдохновение в домарксовом социализме, особенно возникшем на собственной национальной почве.